

с оперой, драматург – с театром, столяр – что это «что-то насчет мебели». Компания, действительно, собирается очень пестрая – певица, актер, столяр, дипломат, писатель, философ. Организатор проекта Бу Луннеберг объясняет цели проекта цитатой из Дидро, высокопарно и туманно: «Задача заключается в том, чтобы собрать воедино все накопленные человечеством знания, указать на все ошибки и предрассудки, докопаться до истины и, используя одни лишь свидетельства наших чувств, постичь истинную причину всех явлений и представить вещи такими, каковы они на самом деле» [3, с. 132-133]. Каждый из персонажей обретает в конечном счете свою истину и свое видение идей Просвещения. Важно, что и произведения Д. Дидро, и книга М. Брэдбери могут быть охарактеризованы как путевые заметки или романы-путешествия.

Все вышеназванные черты – жанровая связь текстов, диалогический тип повествования, использование смешанных жанровых форм, жанровая свобода автора – позволяют

охарактеризовать роман «В Эрмитаж!» М. Брэдбери как продолжение традиций философской прозы Д. Дидро.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Bradbury M. The Modern British Novel. – London, 1993. – 420 p.
2. Bradbury M. To The Hermitage. – London: Picador, 2000. – 504 p.
3. Брэдбери М. В Эрмитаж!: роман / пер. с англ. М. Б. Сапрыкиной. – М., 2003. – 510 с.
4. Дидро Д. Разрозненные мысли о живописи, скульптуре, архитектуре и поэзии, служащие продолжением «Салонов» // Дидро Д. Эстетика и литературная критика: пер. с фр. – М., 1980. – С. 486-528.
5. Дидро Д. Монахиня. Племянник Рамо. Жак-фаталист и его хозяин: пер. с фр. – М.: Художеств. литер., 1973. – 496 с.
6. Обломиевский Д.Д., Тураев С.В. Дидро // История всемирной литературы. В 9 т. Т. 5. – М.: Наука, 1988. – С. 129-137.
7. Красавченко Т. Брэдбери М. // Энциклопедический словарь английской литературы XX века / отв. Ред А.П. Саруханян; Ин-т мировой лит. Им. А.М. Горького РАН. – М.: Наука, 2005. – С. 85-87.

УДК 801.81

Шестопалова Г.А.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ПОШЕХОНЬЯ», РОДОВОГО ГНЕЗДА М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА *

Аннотация. В статье изучаются этнографические особенности родового гнезда М.Е. Салтыкова-Щедрина, центром которого было село Спас-Угол. Указывается на значение писательского рода для формирования местности, начиная с 1717 года. Частично описывается оригинальная коллекция топонимических преданий, народных рассказов, записанных в селе Спас-Угол, центре вотчины Салтыковых, и ближних селеньях, во время фольклорно-краеведческих экспедиций 1988, 1992 годов. Уделяется специальное внимание тому, как М.Е. Салтыков-Щедрин выполнял перспективный план работ императорского географического общества, которое занималось сбором этнографических описаний России.

Ключевые слова: фольклор, литература, этнография, топоним, народные преда-

ния, пословицы, народные присловья, образ, описание, очерк, роман.

G. Shestopalova

THE ETHNOGRAPHY OF “POSCHEHONJE”, THE FAMILY LANDS OF SALTYKOV-SHCHEDRIN

Abstract. The article examines the ethnographical peculiarities of ancestral estate of M. Saltykov-Schedrin, in centre of which stayed Spas-Ugol village. The importance of the writer's generation for the territory formation has been traced since 1717. The original collection of toponymic legends as well as folk stories, recorded in Spas-Ugol village, the centre of the Saltykovs' patrimony, and other neighboring settlements during the folk and area studies in 1988 and 1992, is described partially. It is also specially noted the way M. Saltykov-Schedrin was executing the long-term plan of Imperial Geographical Society, preparing the collection

* © Шестопалова Г.А.

of ethnographical description of Russia.

Key words: folklore, literature, ethnography, placename toponym, folk legends, proverb, folksays, description, essay, novel.

Усадьба Спас-Угол занимала центральное положение в вотчине Салтыковых. В XIX веке село относилось к Калязинскому уезду Тверской губернии, оно было расположено в 17 верстах (18, 01 км) от города Калязина, примыкало к району Верхневолжья. Родители Салтыкова приобретали земли вокруг села на много верст, так что вотчина в первой половине XIX века все время разрасталась, отстраивалась, развивалась.

Село Спас-Уголимееет культовое и географическое название. Первая часть названия – «Спас» – произошла от названия усадебной церкви Спаса Преображения, как говорили в народе Спаса Преображение Господня, которая расположена была в ста метрах напротив фасада усадебного двухэтажного с мезонином, на каменном фундаменте просторного дома, уютно разместившегося за палисадником в липовом парке.

Вторая часть названия «Угол» присовокупляется к названию в XVIII веке, она связана с географическим месторасположением: на перекрестке – на углу – Тверской губернии Калязинского уезда и Московской губернии. Эта часть названия была ориентиром, что подчеркивало значительность угодий.

В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» отмечает: «Уголь, м., – перелом, излом, колено, локоть, выступ или залом (впадина) об одной грани. /.../» [1]

Приведем дефиницию понятия «угол» из «Словаря русского языка» С.И. Ожегова, основного массового справочника второй половины XX столетия: «УГОЛ, углá, об углѣ, на /в/ углѹ, м., 1. /в угле/. В математике: часть плоскости между двумя линиями, исходящими из одной точки. *Вершина угла. Прямой у. /90°. Острый у. /менее 90°. Тупой у. /более 90°. Внешние и внутренние углы треугольника. Согнуть под углом. У. зрения /перен.: точка зрения/. 2. Место, где сходятся, пересекаются два предмета или две стороны чего-н. На углу улицы. У. стола. Пойти за угол, на угол. Из-за угла сделать что-н. /перен.: исподтишка/. Ходить из угла в у. /ходить по помещению по всем направлениям от скуки, безделья или в волнении, в раздумье/. 3. Часть комнаты, сдаваемая внаем. Снимать у. 4. Вообще пристанище, место, где живут, местность. Жить в своем углу. В глухом углу*

/перен.: в отдаленной местности. *Медвежий у. /перен.: глухое место/. // уменьш. уголок, - лка, м. /ко 2, 3, 4 знач./ [2].*

Нельзя не отметить и такие современно воспринимающиеся словные семантические особенности топонима «Угол» как: 1) указание на конфигурацию отрезка земли; 2) защищенное место; 3) пристанище, приют, с оттенком «уютности», комфортности местности, то, что в поэтике М.Е. Салтыкова-Щедрина обретет название «монрепо» – «*mon repos*», фр. – мой отдых; 4) резкость мысли, чувства, высказывания или действия.

В современном толковании значения топонима «Угол» учитывается не только историческое содержание, отражающее особенности древнего местничества, но и современная концептная [3] сфера, возбужденная к жизни новым районированием.

Наблюдения и впечатления детства вели Салтыкова-Щедрина в его творчестве к большим эстетическим и социальным обобщениям. В силу особенностей своего сатирического таланта писатель видел политику в быте. Описания природы, связанные с местностью Спас-Угла, всегда имеют не только лирические, но и социологические оттенки. Есть много прямых указаний писателя на автобиографическую основу «Пошехонской старины», с тем большим вниманием вникаем в подробности жизнеописаний и природной окружающей среды: «Местность, в которой я родился и в которой протекло мое детство, даже в захолустной пошехонской стороне, считалась захолустьем. Совсем где-то *в углу*, среди болот и лесов ... /.../ Леса, как я уже сказал выше, стояли нетронутыми, и лишь у немногих помещиков представляли не то чтобы доходную статью, а скорее средство добыть большую сумму денег ... /.../ Вблизи от нашей усадьбы было устроено два стеклянных завода, которые, в немного лет, без толку истребили громадную площадь лесов. Но на болота никто еще не простирал алчной руки, и они тянулись без перерыва на многие десятки верст. Зимой по ним пролагали дороги, а летом объезжали, что удлиняло расстояние почти вдвое. А так как, несмотря на объезды, все-таки приходилось захватить хоть краешек болота, то в таких местах настлались бесконечные мостовики, память о которых не изгладилась во мне и доднесь. В самое жаркое лето воздух был насыщен влажными испарениями и наполнен тучами насекомых, которые не давали покою ни людям, ни скотине» (17, с. 9-11). (В тексте подчеркнута нами. – Г.Ш.)

Может быть высказана еще одна гипотеза: семантическая особенность топонима «Угол» связана с московской ориентацией, она указана по древнерусским письменным источникам в пророчестве Василия Гречина, с которым он обратился к Великому Князю Даниле Ивановичу, изыскивающему места, где ему создати град Престольный к Великому Княжению своему: «Великий княже! на сем месте соизждится град превелик и распространится царствие треугольное и в нем умножатся /.../ люди /.../» [4].

Топоним «Угол» встречается в значительном историко-топонимическом предании «О создании Царьграда и о том, как Москва строилась». Это предание тоже имеет московскую ориентацию. Летописи сохраняют историю о том, как Царь Константин Великий соорудил Царьград. Это предание впоследствии составит устную поэтическую проекцию на вопрос об основании Москвы и на опорные конструкции «трех гор» и «семи холмов», а также на победу над змеем и торжеством Орла, которые будут встречаться в некоторых версиях о том, как Москва основалась.

«Царь Константин Великий соорудил Царьград. Пришедши в Византию, он увидел на том месте *семь гор*; и повелел горы рыть, равнять место для будущего города. Потом повелел размерить местность *на три угла*, на все стороны по *семи* верст. Во время работ внезапно вышел из норы змей и пополз по размеренному месту. Но в тот же час с высоты упал на змея орел, схватил его, полетел на высоту и исчез там из глаз на долгое время. Потом он упал вместе со змеем на то же место – змей его одолел. Собравшиеся люди убили змея и освободили орла. Царь был в великом ужасе перед этим явлением. Созвал книжников и мудрецов и рассказал им явившееся знамение. Мудрецы, порассудивши, объяснили царю, что эта местность будущего города /.../ прославится и возвеличится во вселенной ... Орел есть знамение христианское, а змей бессерменское; а что змей одолел орла – это значит, что бессерменство одолеет христианство; а что христиане змея убили, а орла освободили, это значит, что напоследок опять Христианство одолеет бессерменство и Седмохоломго возьмут и в нем воцарятся» [5].

Два последних предания летописного происхождения, они подчеркивают московскую ориентацию, имели распространение среди духовенства и в кругах просвещенного дворянства. Идеология этих преданий – госу-

дарственная, она направлена на возвеличивание родной земли и служение политике древнего Московского Царства.

Очевидно, первопоселенец из рода Салтыковых на этих землях, каким деловые бумаги называют Тимофея Иванова сына Сатыкова (потом Салтыкова) по прозвищу Курган, умел удерживать и защищать свои земли, преумножать их, развивать хозяйство. Первая ввозная грамота на село Спасское датирована 1617 годом. Год 1617 указывает на то, что основание усадьбы соответствует политике Романовых, направленной на укрепление земель вокруг Москвы. Это подчеркивается прозвищем Курган (то есть Могила), которое указывает на личность, умеющую хранить тайны.

В этой местности в 1612 году происходили столкновения, а народные рассказы называют их сражениями, с польско-литовскими-шведскими завоевателями, что нашло отражение в топонимике ближних селений. Далее эти топонимические предания будут приведены.

Московская ориентация в селе Спас-Угол отразилась в том, что оно было самым богатым, благоустроенным, красивым в данной местности: по пословице «Каждый городок – Москвы уголок» («каждое сельцо – московское лицо»).

Воспоминания М.Е. Салтыкова, семейные воспоминания Салтыковых рассказывают о том, как соседи-помещики приезжали для текущих консультаций по хозяйственным вопросам в усадьбу Спас-Угол к Ольге Михайловне Салтыковой, матери писателя.

Село Спас-Угол в настоящее время расположено в Талдомском районе Московской области. Сейчас это самый северный район Подмосковья.

Город Талдом находится в 111 км от Москвы в экологически чистой зоне. Название города звучит старообрядчески. Однако о происхождении его известно мало. Первое упоминание в документах о селении Талдом относится к 1677 г., то есть селение образовалось позднее обустройства Спасской усадьбы Салтыковых.

Этимология названия тавтологически объединяет финское и русское указание на «дом». «Тал», «тало» – по-фински «дом»; «талоус» – «хозяйство»; «талоуден» – хозяйственное [6].

Эти оттенки смысла тоже учитываются в поместье Спас-Угол, о котором можно сказать используя известное выражение Ф.И.

Тютчева применительно к данной местности Верхневолжья: «*le génie du lieu*» (фр.) – «*genius locus*» (лат.) – «гений места» [7].

До конца XVIII века деревня Талдом принадлежала Тверскому архиепископу, в 1799 году отошла к казне и оставалась в составе казенных земель до 1861 года.

Главные промыслы города издавна – скорняжье и обувное дело. Тонко выделанные лайковые и хромовые кожи славились в России. Изделия из такой кожи были выгодными товарами для купцов, а купечества в Талдоме и его окрестностях было много.

Статус города и районного центра город Талдом получил в 1920 году. Во время поездки со студентами в Спас-Угол в 1988 году было записано историческое предание от коренной жительницы села, которая удостоверяла себя как очевидца событий: «В 1919 году в селе Спас-Угол был большой пожар – горела усадьба, огонь так быстро охватил главный усадебный дом, что невозможно было спасти мебель и личные вещи, хотя они представляли большую антикварную ценность. Пожар не оставил ничего. Родственники писателя дом, уцелевший в селе Ермолине, куда был перенесен центр вотчины после смерти Евграфа Васильевича Салтыкова, отца писателя, разобрали по бревну и отвезли в город Талдом, где и собрали его вновь близ центральной площади и административных строений». Впоследствии долгие годы этот особняк, похожий на длинный деревянный корабль, служил общественным организациям и службам, в момент нашего приезда со студентами дом занимала служба ДОСААФ (Добровольного общества содействия армии и флоту) и школа автомобилистов.

Этот народный рассказ подчеркивает значение дома – «тало», его архетипической структуры, хозяйства – «талоуса» для писательского рода.

Предание позволяет выявить генетическую связь между поступком Салтыковых в XX веке и древней, восходящей к XVII веку истории топонимов края, размещению населенных пунктов на местности. Можно выдвинуть гипотезу о том, что в формировании населенных пунктов этого края с начала XVII века важную роль играло семейство Салтыковых, имеющих тесную родовую связь с духовными сферами и религиозными деталями.

Талдомский район был центром вотчинных земель Салтыковых, род которых прославил своим талантом Михаил Евграфович

Салтыков-Щедрин, проведший десять лет своего детства в главном селе, центре родовой вотчины Спас-Угле. Потом он часто приезжал сюда, но главные места его жизни и деятельности были перенесены в другие города: Москву, Царское Село, Санкт-Петербург, Вятку, Рязань, Тверь, Пензу, Тулу и вновь в Санкт-Петербург. Вотчинные земли Салтыковых включали большое количество деревень и сел.

О преимущественных владениях и культуре свидетельствуют, в первую очередь, произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина и его прочное положение в литературном, журнальном мире и сферах гуманитарного общения современников, а также многочисленные письменные источники, деловые бумаги, хранящиеся в архивах, мемуары родственников и современников писателя, краеведческие источники, научная биография С.А. Макашина (в 4 т.), записки Федора Ушакова, экспозиции Государственного музея имени М.Е. Салтыкова-Щедрина в селе Спас-Угол и музея, коллекция которого была собрана учителями и школьниками школы имени М.Е. Салтыкова-Щедрина в селе Ермолине (работа велась под руководством учителя русского языка и литературы Людмилы Михайловны Нешумовой).

Село Спас-Угол стало сокровищницей преданий и народных рассказов благодаря писательскому дару Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина. Родной с самого рождения и детства край описан во многих произведениях сатирика. Этому вопросу посвящены многие научные источники, в том числе и специальная глава в учебном пособии для студентов факультета русской филологии Московского государственного областного университета «Литературное краеведение. Москва и Подмоскovie» (М., 2009. С. 106-111).

Такие художественные произведения как повесть «Яшенька», романы «Господа Головлевы», «Современная идиллия», роман-хроника «Пошехонская старина», конечно, цикл «Сказки», включающий 32 сюжета, воздействовали на формирование устно-поэтической жизни края.

В романе-хронике «Пошехонская старина» село Спас-Угол изображено как село Малиновец.

Пейзажи произведений Салтыкова-Щедрина напутствуют к любви к родной природе, писатель поясняет в «Пошехонских рассказах» особенности своего демократизма,

показывает, что столкновение с «родными срамотами» вызывает у него любовь: «Бывали минуты, когда пошехонская страна приводила меня в недоумение; но такой минуты, когда бы сердце мое перестало болеть по ней, я решительно не запомню. Бедная эта страна – ее надо любить. Ничто так естественно не вызывает любви, как бедность, угнетенность, скорбь и злосчастье вообще. /.../ Эта робкая боль, сказывающаяся всюду, эти подавленные стоны, волной переливающиеся из края в край, – могут замучить» (15 – II, с. 105-106).

Тема, волнующая М.Е. Салтыкова-Щедрина, и ее литературный образ занимала многих писателей второй половины XIX века, о ней писал в 1855 году в стихотворении «Эти бедные селенья ...» Ф.И. Тютчев. (Продолжение этой темы в начале XX века будет выражено в цикле «Пузыри земли» А.А. Блока, в поэзии А.А. Ахматовой, М.И. Цветаевой.)

В Спас-Угол после Вятской ссылки приезжал Салтыков-Щедрин редко. Дорожные впечатления описаны в «Благонамеренных речах». Салтыков-Щедрин ехал из своего подмосковного поместья Витенева в Спас-Угол, навещал братьев в Воронцове, Цедиллове. Топонимика очерков выявляет реальные названия населенных пунктов, станций, рек. Изображение города Т^{xxx} соответствует подмосковному городу Талдому (ныне районному центру). В декабре 1874 года Салтыков поехал на похороны своей матушки, Ольги Михайловны, в село Ермолино, которое она после смерти мужа сделала своим вотчинным центром. Глубокие переживания, вызванные семейной трагедией, придали особенно печальный колорит описанию природы. Грустный лиризм свидетельствует о большом художественном мастерстве писателя, сумевшем в пейзаже выразить свои раздумья: «Саваны, саваны, саваны! Саван лежит на полях и лугах; саван сковал реку; саваном окутан дремлющий лес; в саван спряталась русская деревня. Морозно; окрестность тихо цепенеет; несмотря на трудную, с лишком тридцативерстную станцию, обывдевшая тройка, не понуждаемая ямщиком, вскачь летит по дороге; от быстрой езды и лютого мороза захватывает дух. Пустыня, безнадежная, надрывающая сердце пустыня... Вот налетел круговой вихрь, с визгом взбуравил снежную пелену – и кажется, словно где-то застонало. Вот звякнуло вдали; порывами доносится до слуха звон колокольчика обратной тройки, то прихлынет, то отхлынет, и опять кажется, что где-то стонет. Вот залаяла у деревенской

околицы собачонка, зачуяв волка, – и снова чудятся стоны, стоны, стоны... Мнится, что вся окрестность полна жалобного ропота, что ветер захватывает попадающиеся по дороге случайные звуки и собирает их в один общий стон...

Саваны и стоны...» (11, с. 343).

Древняя топонимика окружающих селений, входящих в состав вотчины Салтыковых, содержит понятия, возвеличивающие местность и одобряющие деяния людей. Например, **Хотча, Хороброво**. Старинная криптография позволяет увидеть в топониме Хотча – священное понятие – «Христос Отче» [8].

Село **Хороброво** получило свое название после польско-литовского нашествия (после войны с поляками, закончившейся избранием на царствие Михаила Федоровича Романова в 1612 году). Жители села смело сражались, защищали землю неустрашимо, были сильнее поляков, вели себя **храбро** – отсюда и одобрительное название Хороброво. Предание рассказала нам во время фольклорной практики в 1991 году бывшая учительница школы имени М.Е. Салтыкова-Щедрина в селе Ермолине Мамедова [9]. В связи с изложенными событиями еще более знаменательным становится название села Спас. Здесь были спасены русские земли.

Село **Ермолино** изображено в романе-хронике «Пошехонская старина» под названием *Бубново*. (Скрытый сатирический намек на уединение своей матушки Ольги Михайловны есть в этом названии, впрочем этим образом одновременно оттеняется и светлое, чистое состояние дел и личностное начало.)

Село **Ермолино** было приобретено в 1836 году Ольгой Михайловной Салтыковой. Название села дано в честь «вестника народу» Ермолая, Никодимского иерея священномученика, день ангела которого отмечается 26 июля (по старому стилю – 8 августа по новому), понятие, связанное с именем, дается с греческого.

В 1850 году Ольга Михайловна Салтыкова отстраивает для себя новую удобную с двумя домами для зимы и для лета усадьбу, которую украшает сад из фруктовых деревьев и большой липовый парк с прудами. В 1857 году на реке Хотче неподалеку от усадьбы перестраивает церковь в честь Георгия Победоносца.

Контурное представление об усадьбе дает повесть М.Е. Салтыкова-Щедрина «Яшенька» (1857):

«И действительно, в саду оказалось очень хорошо.

Яшенька, как учтивый кавалер, сорвал цветок барской спеси, поднес его матушке и затем просил гостей обратить внимание на искусство, с которым подстрижены липки.

– Да: мастер изрядный делал! – отозвался отец Алексей и обратившись к попадье, прибавил: – Наш с тобой дворец небось похуже этого будет!.. изукрашено как!

Но всего более впечатления произвел поставленный у беседки гипсовый турок, с трубкой в руках.

– Ну, что, дурак, что ты тут стоишь! – сказал Яшенька ласково, трепля турка по животу.

Наконец, все было осмотрено, кроме конского двора, в который Яшенька не имел входа; гости возвратились в дом, пообедали и в скором времени собрались восвояси» (4, с. 138).

Учительница школы имени М.Е. Салтыкова-Щедрина в селе Ермолине Людмила Михайловна Нешумова написала путеводитель «Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин в Подмоскowie» и передала его нам во время фольклорной практики в июле 1991 года в рукописи (записки сохранены).

Вот как там описывается деревня Малиновец, последняя в вотчинных землях на севере: «Последним селением в Московской области является деревня **Малиновец**, входившая ранее в имение Салтыковых. Первая семья, поселенная на этом месте Ольгой Михайловной Салтыковой была семья Кузьмы Тихомирова. Поселенцы были на вырубке Малинника. Сначала жили в шалашах. Кузьма был прекрасным бондарем, а Ольга Михайловна любила заготовку грибов, капусты, яблок (мочила) впрок. Затем еще две семьи поселены были. Ольга Михайловна нарекла вырубку Малиновкой, а жителей малиновцами (сейчас деревня Малиновец). Кузьма, будучи в милости у барыни, хлопотал о земле. Дала одно болото. Но и тому были рады: раскорчевали, вырубил, но и сейчас это поле зовут Грязное. Ольга Михайловна прозвала Кузьму Хлопотуном, повелев забыть свою фамилию. Его потомки стали Хлопотины. В 1981 году деревне этой исполнилось 130 лет (1851). У двух семей остались фамилии Хлопотины, доставшиеся им от времен крепостного права. Ольга Михайловна любила заниматься переселением. Она в том же 1851 году переселила из Ермолина и Спасского крестьян за деревню Малиновец, тоже на пустое

место. Деревню назвали Ольгино, потом Ольгово. От церкви видно поле, относившееся к Малиновке и сама деревня, то есть ее начало» [10].

Во время фольклорной практики в июле 1991 года жительница села Малиновец Вера Алексеевна Хлопотова рассказывала о религиозной праздничной культуре села, которая в основном совпадала с религиозными праздниками в своих этнографических характеристиках: почитались главные даты. В летнее время варили пиво к сроку, устанавливали вдоль дороги в деревне один большой общий стол, угощались, праздновали. Однако каждая деревня имела свой особенно почитаемый иконописный образ и день церковного праздника, связанный с этим святым, считался престольным в данной деревне и отмечался особенно празднично. В Малиновце почиталась летняя Казанская, как говорят в народе, – икона Казанской Божьей Матери, летний день почитания которой приходится на 8 июля (по старому стилю).

В деревне Федоровское – почитался Никола весенний – 9 мая (по старому стилю), икона Святого Николая Чудотворца, Угодника.

Жители деревень на праздники плясали. Танцевальный репертуар включал традиционные народные танцы: кадрили («По улице, улице ...», «Ах вы, сени, мои сени...» и др.), «цыганочку», хороводы, а в 1880-е годы стали плясать «елецкого»:

*Я Елецкого пляшу,
На все стороны гляжу,
Нету милого мово,
Дома скучно без него.*

Народные игры, типичные для этих мест, были: лапта, вышибалы, городки, «бояре», жучки, хлопки, «гуси-лебеди», «казаки-разбойники», «жив, жив Курилка!» и др.

Сказочная культура этих мест богата. Невозможно сразу не упомянуть древние традиционные сказки «Медведь на липовой ноге», «Про белого бычка», богатырские сказки, многочисленные сюжеты о животных: медведе, волке, лисе; о домашних птицах: курице, петухе, утке, гусе и т. д.

Песенный репертуар этих мест мог соответствовать самым обширным песенным коллекциям XVIII века, например, М.Д. Чулкова «Собрание разных песен» (В 4 кн. 1770-1774).

Сохранили свое бытование красивейшие традиционные песни:

«Ах вы, кони мои воронье ...»,
 «Бывали дни веселые ...»,
 «Вздумал я Богу помолиться,
 Взял котомку и пошел,
 А солнце за мною садится,
 А я овраг не перешел ...»,
 «Во кузнице, во кузнице,
 Во кузнице молодые кузницы ...»,
 «Во лугах, лугах зеленых ...»,
 «Во субботу, день ненасытный ...»
 «Вот вспыхнуло утро, румянятся воды ...»
 «Вспомни, милый, вспомни, мой друг,
 Туя рощу, зеленый луг ...»,
 «Вот мчится тройка почтовая ...»,
 «Во горнице, во новой ...»,
 «Горит в избе лучинушка ...»,
 «Поехал охотник на чистые воды ...»,
 «Зачем ты, безумная, любишь ...»,
 «Как при травке, травке, было при муравке ...»,
 «Меж высоких хлебов затерялося ...»,
 «Меж крутых бережков Волга-речка течет ...»,
 «Из-за острова, на стержень ...»,
 «Лесом, полями, дорогой прямой ...»,
 «Коробейники»,
 «Зачем я встретила с тобою...»,
 «Над рекой березки, елки ...»,
 «На Муромской дороженьке»...,
 «Как за лесом, ой да за лесочком,
 За турецким славным городочком
 Долина была ..., эх, широка была ...»,
 «Уж летела пава через три двора,
 Уронила пава мало перышко ...»,
 «Трансвааль, Трансвааль, старина моя,
 Горюшь ты, как в огне...»,
 «В саду ягода малинка ...»,
 «Шумел камыш...»,
 «Темной ночью мне не спится,
 Сама не знаю почему ...»,
 «Уж ты сад, ты мой сад, сад зелененький ...»,
 «Потеряла я колечко ...»,
 «Я вечер в лужке гуляла ...»,
 «Ноченька»,
 «Пошли девки на работу ...»,
 «Хаз Булат удалой ...»,
 «Славное море...»,
 «После вчерашнего похмелья
 Болит хмельная голова ...»,
 «Что стоишь, качаясь ...»,
 «На паперти божьего храма...»,
 «Прощай, жизнь, радость моя ...»,
 «Чудный месяц»,
 «Соловей кукушечку ударил в макушечку ...»,
 «У зари, у зориньки ...»,
 «Уж по морю...» и многие другие.

Записано в июле 1991 года во время фольклорной практики студентов факульте-

та русской филологии Московского государственного областного университета.

Живопись произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина объединена с образами лучших картин реалистической школы в искусстве. Пейзажи в произведениях Салтыкова-Щедрина сближены с живописью передвижников. Они взаимодействуют с картинами А.К. Саврасова, Ф.А. Васильева, В.Г. Перова, И.И. Левитана, И.И. Шишкина, а интерьеры и житейские сценки – с живописью П.А. Федотова, В.В. Пукирева, В.А. Тропинина, К.Е. Маковского, И.Е. Репина, библейские темы обращают к картинам Н.Н. Ге, Н.И. Верещагина.

В описаниях местности у М.Е. Салтыкова-Щедрина есть неторопливость, степенство, спокойное величие. Эти качества подчеркивают его патриотические чувства и воззрения, веру в силу своей земли, не позволяющую писателю расставаться с ней. (Зарубежные поездки осуществлялись только по принуждению врачей, из-за болезней, при этом со многими уговорами врачей.)

Простонародная традиция именования местного населения в связи с характернейшими этнографическими приметами, включающими этимологию природных объектов, особенности диеты, частоту речевого использования отдельных слов и выражений, составляющих специфический тавтологизм, своеобразие некоторых выходов и идейных устремлений, составляет основу фольклорного жанра народных присловий. Коллекционно они выявлены в трудах И.М. Снегирева, И.П. Сахарова, М. Забылина и др. Фольклористы свои освидетельствования и наблюдения связывали преимущественно с великорусскими районами, то есть с изучением народных присловий губерний, окружающих Московскую губернию.

Приведем пример народного присловья: «Пошехонцы.

Слепороды: в трех соснах заблудились. – За семь верст комара искали, а комар у пошехонца сидел на носу. – На сосну лазили Москву смотреть.

О старинных проказах пошехонцев у нас, на Руси, была издана особенная книга: «Анекдоты древних пошехонцев. Соч. Василия Березайского. СПб., 1798». Второе издание было напечатано в 1821 году, с прибавлением словаря. Но это собрание пошехонских анекдотов состоит большей частью из произвольных вымыслов, а часть даже переведена с польского» [11].

Подобные народные присловья укра-

шали не только народную речь, но широко использовали духовенством и представителями дворянства, занимающимися хозяйственными делами в своих усадьбах. Подобные этнографические приметы войдут в сокровищницу сатиры М.Е.Салтыкова-Щедрина, будут участвовать в разработке сатириком нарицательных образов, гротескных характеристик, своеобразной художественной стилистики, взаимодействующей с шутками, иронией, комедиографией.

Приведем пример использования народного присловья в очерке «Первое марта» из художественно-публицистического цикла М.Е. Салтыкова-Щедрина «Круглый год»: «Словом сказать, действующий литератор представляется чем-то закоренелым, нераскаянным и до такой степени заблуждающимся, что он, подобно анекдотическому пошехонцу, способен «в трех соснах заблудиться» (13, с. 428).

Фольклор этих мест в XIX столетии относился к Тверскому краю, который составлял общий Великолукский массив вместе с фольклором губерний, расположенных вокруг Москвы и Подмосковья. Главными различиями были диалектные особенности и частота исполнения сюжетов, в целом же Великолукский фольклор – это характерное единство.

Наблюдения Салтыкова и впечатления детства вели его к большим творческим обобщениям, не лишенным социального смысла. Точность воспроизведения края в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина позволяет по особенному ставить вопрос об этнографизме его творчества. Это справедливо, но в этом проявляется естественный отклик писателя на тот призыв Императорской комиссии при Императорском географическом обществе, которая обязывала литераторов участвовать в переписи населения России, описывать этнографически точно жизненно важные районы, в первую очередь, пограничные, районы Поволжья и всех других земель. Выполнение такой программы, которая имела большой общественный смысл и способствовала изучению родного края, действительно, есть почти во всех произведениях Салтыкова-Щедрина.

Не меняя природный, ресурсный, экономический образ Пошехонья, Салтыков-Щедрин использовал крептонимы (буквенные сокращения названий до одного знака), словесные замены, переименования, то есть художественные принципы были введены в этнографизм.

Главная усадьба Салтыковых, расположенная в селе Спас-Угол, в свой состав включала церковь Спаса Преображения, ее строение и сейчас украшает село, однако сохранилась лишь часть фресок, они дышат временами минувшими, хранят былое. Служба в усадебной церкви велась регулярно, в семье Салтыковых религии уделялось большое внимание. Родители Салтыкова-Щедрина глубоко чтит религиозные праздники и даты, строго исполняли обряды, совершали поминки в Троице-Сергиеву Лавру, в Покровский монастырь в Хотькове, Ольга Михайловна небольшой ручей в саду усадьбы назвала «Иорданкой», и в дни Крещения крестный ход из церкви Спаса Преображения следовал к «Иорданке», где совершалось водосвятие.

В семье Салтыковых поддерживались и светские обычаи. Праздниками становились дни посвящения в грамоту. О них вспоминает писатель в подготовительных материалах к роману-хронике, иронически отмечая противоречия классовой неоднородности: «Сам я был посвящен в русскую грамоту весьма оригинальным способом. Когда мне минуло шесть лет, это было в январе (1832 года), отслужили молебен и призвали крепостного живописца Павла, которому приказали обучать меня азбуке, чтению и письму» [12], но по прошествии первоначального этапа и изучения азбуки «в образовании Салтыкова-Щедрина принимали участие священник села Заозерье, Иван Васильевич, который обучал латинскому языку по грамматике Н.Ф. Кошанского, и студент Троицкой Духовной Академии, Матвей Петрович Салмин, который два года сряду приглашается во время летних вакаций» (17, с. 469).

Очевидно, ранние впечатления, которые можно отнести к весне 1834 года, находят отражение в следующем фрагменте из «Пошехонской старины»: «Когда я в первый раз познакомился с Евангелием, это чтение пробудило во мне тревожное чувство. Мне было не по себе. Прежде всего меня поразили не столько новые мысли, сколько новые слова, которых я никогда ни от кого не слыхал. И только повторительное, все более и более страстное чтение объяснило мне действительный смысл этих новых слов и сняло темную завесу с того мира, который скрывался за ними» (17, с. 70). Несомненно, отзвуки этого восприятия отозвались в понимании Салтыковым-Щедриным писательского труда, подсылая библейскую образность в изобра-

жении своей писательской доли: «Капля по капле сочится писательская кровь, прежде нежели попадет под печатный станок» (16-II, с. 8). Свой труд Салтыков-Щедрин осознавал как подвижническое служение истине, справедливости, борьбе со злом. Обращение к библейским образам в поэтике Салтыкова-Щедрина составляет общекультурный пласт и является постоянным.

Отношение к религиозным датам воздействовало на умонастроения в семье, влияло на праздничный порядок дел. Ольга Михайловна в письме Дмитрию Евграфовичу указывает: «А ежели дети будут хорошо учиться, Николаю, Михаилу, тебе пригласите учителя в праздник Петров день, позволю вам тихонько, или в Казанскую – это будет лучшее, до Казанской посидите дома, – а в Казанскую на целый день или два съездите в Воскресенское к Пановой» [13]. Религиозные даты чтились как праздничные дни большого значения, богослужения в церкви Спаса Преображения были особенно торжественны и долги; в эти дни встречали гостей или посещали родственников и знакомых. В своих произведениях Салтыков-Щедрин широко использует религиозный календарь, часто упоминаются праздники Рождества, Пасхи, Масленицы, Троицы, есть упоминания Казанской, Николина дня, Сретения, Покрова, Бориса и Глеба, Петра и Павла и др.

В XIX столетии религия была неотделима от основ российского бытия, а поэтому религиозные обряды описываются Салтыковым-Щедриным в целом ряде его произведений, например, в «Губернских очерках», «Невинных рассказах», «Сказках», «Пошехонской старине».

Праздники Рождества и Пасхи, центральные в христианском мире, многообразно осознаются в поэтике Салтыкова-Щедрина: «Ведь праздник есть такая же потребность человеческой жизни, как радость – потребность человеческого сердца: это потребность успокоения и отдыха, потребность хоть на время сбросить с себя тяжесть жизненных уз, с тем чтоб безусловно предаться одному ликования!» (3, с. 145).

В романе-хронике «Пошехонская старина» приводится этнографическая зарисовка:

«Рождественское утро начиналось спозаранку. В шесть часов, еще далеко до свету, весь дом был в движении; всем хотелось поскорее «отмолиться», чтобы разговеться. Обедня начиналась ровно в семь часов и слу-

жилась наскоро, потому что священнику, независимо от поздравления помещиков, предстояло обойти до обеда «со свя том» все село. Церковь, разумеется, была до тесноты наполнена молящимися.

По приезде от обедни дети целовали у родителей ручки, а иногда произносили поздравительные стихи. К чаю в этот день вся семья собиралась вместе, не исключая даже тетенок-сестриц. Старались провести время без ссор и избегали всяких поводов к столкновению. Матушка ласково заговаривала с золовками; последние умильно на нее посматривали. Отец, очень редко обращавший внимание на детей, на этот раз изменял своему обычаю и шутил с нами. Но в то же время было заметно, что все спешили отпить чай поскорее, чтобы как-нибудь ненароком не проронить слова, которое праздничную идиллию как бы волшебством обратило бы в обыкновенную будничную свару.

Праздновали Рождество три дня; в течение этого времени дворня разделялась на три смены, из которых каждой предоставлялось гулять на селе по одному дню. Но мы, дети, надо сказать правду, проводили эти дни очень невесело. Без дела слонялись по парадным комнатам, ведя между собой бессвязные и вялые разговоры, опасаясь замарать или разорвать хорошее платье, которое ради праздника надевали на нас, и избегая слишком шумных игр, чтобы не нарушить праздничное настроение» (17, с. 458-459).

Салтыков-Щедрин придерживался семейных традиций в отношении к религиозным праздникам. На Рождество, Пасху он стремился взять отпуск и встретить праздник в кругу семьи. «Казусные обстоятельства вятской ссылки заставили писателя встретить рождественские праздники в 1855 году в ревизских поездках по Чердынскому уезду Пермской губернии. Впечатления эти отражены в «Святочном рассказе (Из путевых заметок чиновника)», входящем в цикл «Невинных рассказов». Командировка в праздничные дни воспринималась как истинное наказание, нарушающее закономерное течение дел. «Завтра, или, лучше сказать, даже сегодня, большой праздник, – думал я, – нет того человека в целом православном мире, который бы в этот день не успокоился и не предался всем отрадам семейного очага; нет той убогой хижины, которая не осветилась бы приветным лучом радости; нет того нищего, бездомного и увечного, который не испытал бы на себе благотворное действие великого

праздника!» (3, с. 135). Повествователь видит в Рождестве «христианское, братское значение, в силу которого сама собой обновляется душа человека, сами собой отверзаются его объятия, само собой раскрывается его сердце» (3, с. 145). Праздник способствует сближению и единению людей, «приобщает <...> к первоначальным и вечно бьющим источникам народной жизни» (3, с. 146). Жанровым признаком святочных рассказов является изображение общения с чудесным. Повествование богато теми особенными ощущениями соприкосновения с чудом, которые так остро воспринимают эстетически одаренные натуры в рождественские дни, когда весь мир готов преобразиться и обрести мифологические очертания. В рассказе Салтыкова-Щедрина становой пристав представился в святки в виде «страшного, лохматого чудовища, с семью головами, с длинными, железными когтями и долгим огненным языком» (3, с. 147). Этот древний образ восходит к мифологическим архетипами.

В «Рождественской сказке», входящей в цикл «Сказки», Салтыков-Щедрин создает гимн Правде: «Правда извечна. Она прежде всех век восседала с Христом-человеколюбом одесную Отца, вместе с ним воплотилась и возжгла на земле свой светоч» (16-1, с. 218). Служение Богу для Салтыкова-Щедрина – это служение Правде. Писатель подчеркивает человеколюбивые достижения религии. Он пишет: «В чем же заключается Правда, о которой я беседую с вами? На этот вопрос отвечает нам евангельская заповедь. Прежде всего, любви Бога, и затем любви ближнего, как самого себя. Заповедь эта, несмотря на свою краткость, заключает в себе мудрость, весь смысл человеческой жизни» (16-1, с. 219). По мнению Салтыкова-Щедрина, важной проблемой становится проблема подготовки нового поколения, способного вместить в свою душу правду, служить истине и ощущать приток жизненных сил от радости этой осознанной деятельности.

По-новому философское мировоззрение Салтыкова-Щедрина раскрылось в пасхальном сюжете, включенном в цикл «Сказки», «Христова ночь (Предание)». Торжественно возвещает Салтыков-Щедрин: «Воскрес Бог и наполнил собою вселенную» (16-1, с. 206). В стилистике сказки ощутимы библейские реминисценции: «Господь благословил землю и воды, зверей и птиц и сказал:

– Мир вам! Я принес вам весну, тепло и свет» (16-1, с. 207).

Безграничность всевластия Бога и торжество примирения, возвещенного им, основано на любви к правде и истине. «Слово Мое – истина!» (16-1, с. 209). Салтыков-Щедрин эпическую традиционность фольклора, имеющую жизнеутверждающие тенденции, самобытно использует в развитии сюжета, демонстрируя несогласие со смертными приговорами и казнями, предвосхищая сюжетные особенности «Сказок старухи Изергиль» А.М. Горького.

Картины народной жизни, созданные в разделе «Богомольцы, странники и проезжие» в «Губернских очерках», отличаются точностью понимания духовной жизни простых людей. Именно их сатирик противопоставляет «проезжим» господам, неприкаянным скитальцам в миру», в чьих образах оживает образ Иуды из предания «Христова ночь», пустым и праздным, лишенным гармонической цельности народного естества. «Я вообще чрезвычайно люблю наш прекрасный народ и с уважением смотрю на свежие и благодущные типы, которыми кишит народная толпа» (2, с. 114), – это искреннее признание Салтыкова-Щедрина выражает главное в его концепции народности. Писатель занимает принципиальную эстетическую позицию в поисках свойств, определяющих сущность народа, он выступает как истинный реалист в объективной оценке духовных возможностей народа. Интенсивность духовной жизни изображается им в исканиях праведной веры, в духовных борениях героев, представляющих мир русских праведников, – это и отставной солдат Пименов, и Пахомовна, и случайные люди из толпы. Важно отметить, что тип праведника и тему народа-богоносца Салтыков-Щедрин вводит в литературу раньше, чем это делают Н.С. Лесков и Л.Н. Толстой.

Полнота реалистической картины духовной жизни народа достигается благодаря широкому включению в цикл произведений устного народного поэтического творчества. Этот лиро-эпический массив поднимает проблему таланта русского народа, способствует познанию особенностей его идеологии.

Необычен для поэтики Салтыкова-Щедрина, как и для поэтики русской литературы 50-х годов XIX века, фольклорный состав очерков. Не пренебрегая традиционным употреблением пословиц, поговорок, малых форм фольклора, писатель преимущественно обращается к духовным стихам и устной прозе: легендам, сказкам. В этих жанрах идеология народа представлена наиболее точно.

Салтыков-Щедрин умеет ценить религиозные чувства народа, восхищаясь ими как неотъемлемыми, органичными свойствами народного мировоззрения. В очерках цитируются духовные стихи: «Об Асафет-царевиче», «О страшном суде», «Об антихристе», «О царевиче Иосифе, входящем в пустыню». Однако кроме прямого цитирования в произведении присутствует более широкое использование духовных мотивов, подчеркивающих интенсивность душевных борений героев, их неутомимое стремление узнать свой положительный идеал, воплощенный в миссии праведников.

Народ-богоносец у Салтыкова-Щедрина самоотреченно исполняет свой подвиг оберегания святынь. Уникальность его внутреннего мира прочувствована писателем в полную меру и правдиво изображена. Духовная атмосфера жизни воссоздается Салтыковым-Щедринным путем обращения к широко распространенным в 50-е годы XIX века сюжетам духовных стихов, волшебных и богатырских сказок, легенд.

Устная культура, познанная писателем с детства, придает произведению панорамность, необходимую при решении главных проблем жизни народной Руси, единой в своей основе, как неделим фольклор, воплощающий главное в мировоззрении народа.

Уточнение фольклорного состава раздела позволяет высказать гипотезу об использовании легенд о Серафиме Саровском в сказах героев.

Народная жизнь открылась Салтыкову-Щедрину иначе, чем его современникам, Н.С. Лескову, Ф.М. Достоевскому, Л.Н. Толстому, испытывающим большой этический интерес к темам праведничества. Салтыков-Щедрин сгущает художественный типизм, обращаясь к бытующим духовным сюжетам, он создает монументальный образ народа-ходака, радетеля за воплощение лучшего накопленного в его среде духовного опыта жизни, который утверждался духовными подвигами праведников Киева, Троице-Сергиевой Лавры, Соловков, Горы Афонской, всей Руси.

Как видим, духовная культура М.Е. Салтыкова-Щедрина показательно контактирует со всеми наиболее высокими проявлениями духовной жизни и философского сознания его времени. Это подчеркивается его афоризмом: «Народ без религии – все равно что тело без души» (10, с. 305).

В решении этнографических вопросов М.Е. Салтыков-Щедрин придерживается максимальной научности освидетельствований, он добивается большой точности характеристик, руководствуясь чувствами авторского долга и ответственности. Этнографические интересы М.Е. Салтыкова-Щедрина, продемонстрированные в его творчестве, объединены с усилиями большой авторской группы таких мощных художников, какими были А.Н. Островский, П.И. Мельников-Печерский, В.В. Крестовский, Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка.: В 4 т. – М., 1999, т. 4. – С. 467.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1963. С. 811.
3. Термин «концепт» в 1980-е годы возвращен в литературоведение академиком Д.С.Лихачевым как термин широкого содержания, формирующий понимание полифонии множества смыслов, которые заключены в одном слове и учитываются в его семантическом образе, не исключая один другого.
4. Забелин И. История города Москвы. – М., 1905. – С. 28.
5. Там же. – С. 51.
6. Шестопалова Г.А. Топонимические предания о Москве и Подмосковье. – М.: МГОУ, 2009. – С. 90-92.
7. Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч.: В 6 т. – М., 2004, т. 4. – С. 249, 253.
8. См.: Шестопалова Г.А. Топонимические предания о Москве и Подмосковье. – М., 2009. – С. 79.
9. Там же. – С. 91.
10. Записки Л.М. Нешумовой. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин в 11) Подмосковье. – С. 16. Рукопись будет передана в Архив Талдомского историко-художественного и краеведческого музея.
11. Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. – М., 1990. – С. 218-219.
12. ИРЛИ. Ф. 366, Оп. 1. № 93, 94.
13. ИРЛИ. Ф. 366, Оп. 9. № 110. Л. 1, 3, 4.